

ПОРОЖДЕНИЕ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В АСПЕКТЕ ОСОЗНАВАЕМОСТИ – НЕОСОЗНАВАЕМОСТИ ГОВОРЯЩИМ**

В статье рассмотрены механизмы порождения когнитивной метафоры и роль бессознательных когнитивных процессов в ее порождении.

Ключевые слова: когнитивная метафора, метонимия, когнитивное бессознательное.

Сложная природа метафоры и ее многообразные рефлексии в речи не могли не привлечь к ней внимания ученых разных сфер науки, изыскания которых в совокупности обозначили контуры этого феномена и показали продуктивность объединения усилий и инструментария разных наук в изучении когнитивной деятельности в широком ее понимании. Н.Д. Арутюнова пишет: «Изучение метафоры традиционно, но было бы неверно думать, что оно поддерживается только силой традиции. Напротив, оно становится все более интенсивным и быстро расширяется, захватывая разные области знания – философию, логику, психологию, психоанализ, герменевтику, литературоведение, литературную критику, теорию изящных искусств, семиотику, риторику, лингвистическую философию, разные школы лингвистики. **Интерес к метафоре способствовал взаимодействию названных направлений научной мысли, их идейной консолидации, следствием которой стало формирование когнитивной науки, занятой исследованием разных сторон человеческого сознания**» (полужирным шрифтом здесь и далее выделено нами. – *Н.И.*) [1, с. 3]. Таким образом, изучение метафоры и становление когнитивной науки тесно связаны.

Когнитивное «измерение» и метафоры, и метонимии как системных языковых явлений обнаружило их принципиально иную природу. Анализ определений метафоры и метонимии в специальной литературе показал магистральные линии переосмысления их сущности:

– от понимания метафоры и метонимии как тропов (художественных средств) к признанию их базовыми механизмами речемышления;

– от понимания их сущности как собственно языковых явлений: процесса и результата переноса слова с одного предмета на другой либо как результата варьирования прямого значения слова – к квалификации их как способов категоризации знания;

– от осмысления метафоры и метонимии как механизмов, противопоставленных по принципу переноса (на основе сходства либо смежности), к признанию их регулярного взаимодействия на когнитивном и языковом уровнях.

Подчеркнем, что, обсуждая вопросы образования и функционирования метафор, следует дифференцировать разные типы метафор. Среди множества выделяемых в различных классификациях типов метафор наиболее противопоставлены в свете заявленных рассуждений два:

* © Илюхина Н.А., 2012

Илюхина Надежда Алексеевна (ilnadezhda@rambler.ru), кафедра русского языка Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке проекта № 12-14-63002 РГНФ.

1) метафоры, называющие *собственно предметные сущности*: *горлышко* бутылки, *огненный шар* солнца, *змеистая* река, *конь* рояля и мн. др.;

2) метафоры, категоризирующие знания об *абстрактных сущностях*, которые при своем осмыслении и при кодировании опыта их познания в памяти нуждаются в опоре на конкретно-предметные сущности: *идти по жизни*, *строить демократию*, *вспыхнуло чувство*, *эта мысль не идет из ума*.

Принципиальная разница между этими типами заключается в следующем. Образованию метафор первого типа (*река змеилась на солнце*; *горлышко бутылки*) предшествует исходное впечатление о сходстве двух реальных, которое и становится основанием для метафоры. Метафоры второго типа (когнитивные метафоры) не предполагают изначального сходства (нельзя уловить сходство между сенсорно воспринимаемой реальией и абстракцией), оно создается в результате образного отождествления двух реальных: *мысль не идет из ума*: ум = вместилище, мысль = живое существо; *чувство вспыхнуло*: чувство = огонь.

Возникает вопрос о генезисе метафор второго типа (когнитивных метафор), явно отличном от механизма порождения метафор первого типа.

Обратимся к определению когнитивной метафоры: «Когнитивная метафора (син. концептуальная метафора; *cognitive / conceptual metaphor*) – одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания. По своему источнику когнитивная метафора отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между разными индивидами и классами объектов. При наиболее общем подходе метафора рассматривается как видение одного объекта через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме. Метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к **сложным** мыслительным пространствам (областям чувственного или социального опыта). В процессах познания эти сложные **непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства** соотносятся через метафору с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами <...>» [2, с. 55].

Термин *когнитивная метафора* означает, что она возникает на ментальном уровне. Ее доязыковая природа выражается в том, что ментальное представление проецируется на язык обилием лексических средств. Так, метафора *чувства – огонь* воплощается в выражениях: *пламя* страсти, *искра* чувств, *воспламенить* чувство, *любовный жар*, *костер* любви, *погасшие* чувства, *любовь остыла*, *вспыхнула* и мн. др., то есть вербализуется лексическим множеством.

Когнитивная метафора моделирует не любую, а лишь абстрактную реальию (время, эмоции, интеллект, социальные явления и т. д.). Лексико-семантическое варьирование образа, наблюдающееся, как правило, при интерпретации именно такой сферы действительности (см. выше иллюстрацию варьирования метафоры *чувство – огонь*), как раз и обеспечивает реализацию основной функции когнитивной метафоры – образной концептуализации знаний об абстрактной реальности в логике такой реальности действительности, знания о которой в обыденном сознании структурированы и упорядочены.

Вернемся к положению о том, что такая метафора не предполагает сходства между реальностями, которое могло бы служить основанием для ее порождения; сходство между ними *создается в результате порождения метафоры*. Прочитаем вновь Н.Д. Арутюнову: «Человек способен <...> не только устанавливать сходство между областями, воспринимаемыми разными органами чувств (ср. явление синестезии: *твердый металл* и *твердый звук*, *теплый воздух* и *теплый тон*), но также улавливать общность между конкретными и абстрактными объектами, материей и духом (ср.:

вода течет, жизнь течет, время течет, мысли текут и т. п.). В этих последних случаях говорят о том, что человек не столько открывает сходство, сколько **создает его** [1, с. 8–9].

С лингвистической точки зрения (на уровне языка) когнитивная метафора квалифицируется как результат сдвига в сочетаемости предикатных слов (*рухнул дом* → *рухнуло государство*), который приводит к синтезу нового понятия.

Кроме того, лингвисты оперируют понятиями векторов переноса. Оценивая категориальный статус отождествляемых метафорой реалий, обычно констатируют принципиальное различие их природы: «Особенности сенсорных механизмов и их взаимодействие с психикой позволяют человеку **сопоставлять несопоставимое и соизмерять несоизмеримое**» [1, с. 9]. Более того: «Чем **дальше** отстоят друг от друга противоположаемые разряды объектов, тем ярче «метафорический сюрприз» от их контакта. Соположение **далекого** (создание сходства) – один из важных принципов построения художественной речи и еще одна причина родства метафоры с поэзией. <...> Для метафоры, таким образом, характерно установление **далеких связей**. В какой мере случайны эти **далекие отношения**? Они **случайны** в том смысле, что прямо обусловлены индивидуальным опытом и субъективным сознанием автора. **Произвол** в выборе метафоры – недвусмысленное свидетельство ее поэтической природы, ведь поэзия – это царство **случайного, неожиданного, непредсказуемого**» [1, с. 20].

Лингвистическая квалификация этого типа метафоры как результата сдвига в сочетаемости предикатных слов не объясняет ее механизма. Непонятным остается вопрос о том, что же послужило толчком для сдвига в сочетаемости и образования метафоры. Цитированные мысли Н.Д. Арутюновой – также результат оценки уже возникшей метафоры, в которой отождествлены две разные по природе реалии, «далекие» друг от друга в свете принципов категоризации знания. Сам же механизм порождения когнитивной метафоры не поддается рефлексии лингвиста.

Это обстоятельство заставляет менять логику анализа такой метафоры – обращаться к ментальным механизмам работы сознания и, в частности, ставить вопрос об оценке порождения когнитивной метафоры в аспекте роли осознаваемых и неосознаваемых когнитивных процессов.

Когнитивная квалификация этого типа метафоры – как способа категоризации знания об абстрактном феномене по аналогии с конкретным, сенсорно воспринимаемым – указывает вектор поиска ответа на вопрос о механизме порождения этого типа метафоры в направлении ментальных процессов.

Наши исследования порождения когнитивной метафоры на материале ключевых метафор, категоризирующих разные типы абстрактных сущностей: эмоции, мышление, суточное время, социальные феномены (см., в частности, [3; 4; 5]), – показали, что в генезисе когнитивной метафоры одинаково важна роль как собственно метафорического, так и метонимического механизмов, при этом на стадии порождения образного выражения действует метонимический механизм отождествления двух реалий, между которыми сознанием уловлены отношения смежности (а не сходства).

Сформулируем вопросы, отражающие суть рассматриваемой проблемы.

1. Если признать, что ощущение сходства не является критерием выбора образа (что сходство является не основанием, а результатом отождествления двух реалий, т. е. создается метафорой), что является критерием этого выбора?

2. Имеет ли место собственно *выбор* образа в качестве ключевой метафоры при концептуализации знаний о той или иной реалии?

3. Как соотносятся в сфере когнитивной метафоры, с одной стороны, прихотливость метафоры («метафорический сюрприз», «царство случайного, неожиданного, непредсказуемого», по Н.Д. Арутюновой) и, с другой стороны, известная регулярность воспроизведения конкретной метафоры (например, образа огня для сферы эмоций), обеспечивающая этой метафоре статус базовой для данной сферы? Не означает ли это, что образование метафоры и воспроизведение образа в данной сфере направляется тем или иным ментальным механизмом?

Отождествление конкретной и абстрактной реалий (чувств и огня; чувств и вместилища) происходит на основе представлений об их смежности, объединенности одной ситуацией в сознании носителя языка. Иными словами, в процессе концептуализации знаний об абстрактной реалии потребность в опоре на образное представление удовлетворяется тем, что сознание незаметно для человека «подсовывает» образ, находящийся «поблизости». В этом случае следует говорить не об отдаленных друг от друга областях, а о смежных, ближайших.

Проиллюстрируем отношения смежности, на которых строится ключевая когнитивная метафора в сфере осмысления эмоций.

При характеристике эмоционального состояния в качестве метафоры регулярно используются лексемы, называющие жидкость (*литься, течь, кипеть, кипучий, изливать, выплеснуть, упиваться, упоение* и др.). Одной из предтеч этой метафоры можно считать соматические жидкости — кровь и слезы, которые в языковой и научной картине мира выступают индикаторами динамики эмоционального состояния человека, т. е. связаны с эмоциями по смежности.

Наиболее непосредственно связь между эмоциональным и физиологическим состоянием человека (в частности — кровотоком) запечатлена в семантике целого ряда фразеологизмов, например: *кровь играет (кипит, горит, бурлит)* в ком-л. — «кто-л. испытывает сильное волнение, охвачен страстью, порывом чувства и т. п.» Внутренняя форма фразеологизма в этом случае отражает физиологический аспект эмоционального состояния, а собственно фразеологическая семантика словосочетания «кто-либо испытывает сильное волнение...» относит этот оборот к средствам обозначения эмоций. Приведем такие выражения: *кровь стынет (леденеет, холодеет) в жилах* у кого-л. — «кто-л. испытывает чувство страха, ужаса»; *сердце кровью обливается* у кого-л. — «кому-л. невыносимо тяжело от душевной боли, чувства сострадания, жалости, щемящей тоски и т. п.»; *портить себе кровь* — «нервничать, раздражаться, огорчаться».

Приведенные материалы позволяют реконструировать логику переноса представления с физиологического проявления состояния на само состояние: *клокочет кровь — клокочет гнев, бурлит кровь — бурлит страсть; хлынули слезы — хлынули чувства*, ср.: *излить чувства в слезах, выплакать горе*.

Известен факт широкого распространения образа «вместилище» в сфере «внутреннего» человека, прежде всего в сфере абстрактных сущностей [3]. Обычно речевые факты типа *Живут во мне воспоминания; Печаль моя полна тобою; В нем много загадок* квалифицируются исследователями как метафоры. Между тем генетически они являют собой результаты процесса метонимической экспансии образа и восходят (через цепь частных метонимических переносов или в русле общей аналогии) к представлению «человек — вместилище».

Конструкции *в душе, в сердце, в памяти, в воображении, в чувствах, в уме, в мыслях* и подобные возникают в результате метонимического смещения образа вместилища с представлений о голове, сердце, груди, теле как вместилище на абстрактные, смежные с ними в картине мира.

Логика в экспансии образа вместилища действует и в сфере характеристики эмоционального состояния: в человеке → в его груди → в его сердце (душе) → в его чувствах: *В нем боролись два чувства; Нутро ее переполнено злобой; Это вдохнуло в него надежду → В груди поселилась печаль; Грудь полна надежд; Из груди рвется восторг → В сердце боролись сострадание и долг → В его чувствах нет места никому, кроме тебя.*

Меру последовательности метонимического переноса образа «вместилище» в сфере эмоций не менее впечатляюще иллюстрируют выражения с лексемой *полный* и ее дериватами: *Юноша полон чувств → Грудь полна чувств → Сердце переполнено печалью → Моя печаль полна тобою* (Пушкин).

Так рождаются когнитивные метафоры вместилища, которые концептуализируют внутренний мир человека, в том числе эмоциональное состояние.

Все ключевые для этих сфер метафоры возникают на базе отношений смежности. Процессы образного моделирования сфер ментальности, времени [5], социальных явлений [4] имеют одинаковую логику: метафорическая интерпретация этих абстрактных феноменов опирается на представления об их смежности с конкретными реалиями в картине мира говорящего коллектива.

Таким образом, определяя генезис когнитивной метафоры, следует сказать, что отношения смежности проложили путь метафоре — обеспечили отождествление двух реалий: эмоций и жидкости, ума и вместилища, суточного времени и солнца, то есть метонимия в качестве механизма концептуализации знания об абстрактной реалии *предшествовала* метафоре. После отождествления абстрактного понятия эмоций и жидкости (крови / слез), эмоций и вместилища **сознание начинает соотносить две сущности на основе их сравнения**, искать между ними сходство, т. е. манипулировать образом (вместилища, жидкости и др.) как *метафорой*. Сравнение приводит к выявлению сходства между реалиями по многим линиям. На основе комплекса выявленных сознанием общих признаков происходит варьирование образа как метафоры, разнообразная его конкретизация. Так в сознании человека метонимия превращается в метафору: сыграв свою незаметную роль, метонимия подготовила метафорическую категоризацию абстрактной реалии.

Функционирование образа как метафоры стирает следы его проникновения в данную денотативную сферу (сферу эмоций и т. д.) — проникновения в большей мере **неосознанного**, обязанного **соположенности** двух понятий-представлений, не связанного со специальной установкой говорящего, с обычно характерной для метафоры избирательностью.

Однако с обретением самостоятельного статуса метафорический образ сохраняет связь с мотивировавшей его реалией: большой корпус текстов содержит в рамках контекста номинации крови, слез: *...И полон ум желаний и страстей, И кровь кипит — и слезы из очей...* (Лермонтов); *Пускай скудеет в жилах кровь, Но в сердце не скудеет нежность...* (Тютчев); *Теплое текучее счастье заполняло его всего, словно не кровью были налиты жилы, а вот этим счастьем, бьющимся в кисти, в виске, стучащим в грудь, выходящим из пальца рубиновой капелькой, если уколёт случайная булавка...* (Набоков). Очевидно, что образ жидкости здесь отражает естественную смежность психологических и физиологических механизмов жизнедеятельности. Регулярность подобного рода контекстов позволяет судить о важности для сознания такой (вряд ли осознаваемой) эмпирической опоры, способствующей закреплению метафор жидкости в этой сфере и далее в картине мира любой культурной эпохи.

Закljučая ответ на вопрос о принципах выбора того или иного образа в качестве ключевой метафоры, подчеркнем: образ предопределен отношениями смежности

в картине мира: между соматическими жидкостями (кровью, слезами и т. п.) и эмоциями, между представлением о голове как части тела и об интеллекте как свойстве мозга, локализованного в этой части тела, и т. п.

Обратимся к словам Н.Д. Арутюновой: «Метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании. Метафора – это вызов природе. Источник метафоры – сознательная ошибка в таксономии объектов. Метафора работает на категориальном сдвиге» [1, с. 17–18]. Верные рассуждения ученого, как и многих других лингвистов, о природе метафоры не учитывают природы когнитивной метафоры, которая создается в два этапа. В приведенных и похожих высказываниях квалифицируется *итоговый результат двух когнитивных актов* – собственно метафорический эффект, который не отражает стартового механизма такой метафоры, а значит – и сути процесса, который привел к ее порождению.

Решающая роль метонимии на первом этапе генезиса метафоры ставит вопрос о причинах трансформации метонимической логики в метафорическую: как происходит замена метонимической логики на метафорическую? Момент перехода («переключения») остается загадочным для лингвиста.

Суть этого явления следует искать также в когнитивных истоках процесса категоризации знания, т. е. ключ к ответу на поставленный вопрос лежит в сфере когнитивной науки, в основе которой, по словам В.В. Петрова, «предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (**восприятие, язык, мышление, память, действие**) **неразрывно связаны между собой** в рамках общей задачи – осуществления процесса усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума» [6, с. 41]. Исследования когнитивных психологов приводят к выводу о значительной, во многих случаях определяющей роли бессознательных, неосознаваемых процессов в когнитивной деятельности, в восприятии действительности, в познавательной деятельности в целом. Приведем высказывания психолога А.Ю. Агафонова: «...для того чтобы объяснить любые факты познавательной деятельности человека, в том числе феномены осознаваемого опыта, необходимо изучать латентные, неосознаваемые детерминанты познавательной активности. Таким образом, как ни парадоксально, пытаюсь понять осознаваемый опыт, следует исследовать неосознаваемое, поскольку продукт познавательной деятельности, в том числе осознаваемое переживание, формируется в недрах бессознательной психики» [7, с. 4]. И далее: «Множество экспериментов в когнитивной психологии показывают, что осознается всегда то ментальное содержание, которое до момента осознания уже существует в бессознательной психике, т. е. уже подготовлено для осознания» [7, с. 14].

Загадка «переключения» сознания с метонимической логики на логику метафорическую, по нашему мнению, получает объяснение при осмыслении этого явления сквозь призму понятий осознаваемых и неосознаваемых когнитивных процессов. Метонимический этап образования когнитивной метафоры соотносится с неосознаваемыми процессами, с когнитивным бессознательным, а собственно метафорический этап – с осознанием природы образа в его сравнении с абстрактным понятием (эмоцией и т. д.). Смена метонимической логики на метафорическую означает переход от неосознаваемого к осознаваемому, маркирует осознание тождества двух феноменов (эмоций и соматических жидкостей и т. д.) с установкой на поиск (= создание) их сходства.

С учетом того, что когнитивное бессознательное представляет собой «функциональный блок разума, обеспечивающий обработку актуально воспринимаемой

информации и ее корреспонденцию с памятью» [7, с. 41], можно предполагать, что метонимический этап будущей когнитивной метафоры опирается непосредственно на ресурсы памяти, которая хранит образ соответствующей реалии (т. е. протекает в сфере когнитивного бессознательного). При дешифровке порожденного высказывания, фиксирующего тождество двух реалий, сознание направляет осмысление этого тождества в логике сравнения реалий, обеспечивая необходимую семантическую фокусировку метафоры.

Таким образом, установление, а точнее говоря, создание сходства между абстрактной и чувственно воспринимаемой реалией происходит *post factum* — в условиях, когда «несопоставимые» реалии разной природы оказались связаны отношениями тождества.

Неосознанность метонимического механизма в момент сдвига представления с материальной реалии на смежную идеальную объясняется его прямой связью с памятью, которая «хранит весь психический материал, накопленный субъектом к моменту текущего настоящего», при этом «все содержимое памяти является неосознаваемым» [7, с. 41]. Неосознаваемостью для говорящего и слушающего, как известно, отличается большая часть лексической метонимии.

Важнейшая роль отношений смежности в картине мира (и как следствие — столь же важная ее роль в формировании образной языковой картины мира) обусловлена механизмами восприятия мира и хранения знаний о мире. Один из способов восприятия и хранения информации о мире в неосознаваемых ресурсах памяти — гештальтная форма, которая в данном случае определяет способ концептуализации абстрактного понятия по аналогии со смежной предметной реалией, т. е. в известной мере механически, без осознания говорящим.

Метафора же, в отличие от метонимии, имеет творческий характер — направлена на создание нового смысла, имеет существенное гносеологическое значение и требует интеллектуальных усилий для дешифровки, поэтому метафорический механизм, безусловно, связан с осознаваемыми процессами.

Подводя итог рассуждениям, подчеркнем: формирование образной языковой картины мира происходит в результате взаимодействия процессов, протекающих на уровне когнитивного бессознательного, с процессами осознания, при этом роль неосознаваемого является едва ли не решающей.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е.С. Кубрякова [и др.]. М., 1997. 245 с.
3. Илюхина Н.А. Роль метонимии в интерпретации концептосферы «человек» (на материале ментальной модели «вместилище») // Вестник Самарского университета. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. № 3. С. 114–122.
4. Илюхина Н.А. Номинация и образное моделирование концепта 'власть, государство' // Язык и общество в синхронии и диахронии: тр. и мат-лы Междунар. науч. конф. Саратов, 2005. С. 248–253.
5. Илюхина Н.А. Концептуализация суточного и годового времени: семасиологическая и лингвокогнитивная интерпретация метафорических высказываний // Язык — текст — дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах: мат-лы междунар. науч. конф. / науч. ред. Н.А. Илюхина. Самара: Универс групп, 2011. С. 138–141.

6. Петров В.В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания. 1988. № 2. С. 39–48.

7. Агафонов А.Ю. Бессознательные обертоны осознания // По обе стороны сознания. Экспериментальные исследования по когнитивной психологии / под общ. ред. А.Ю. Агафопова. Самара: Бахрах-М, 2012. 192 с.

*N.A. Ilyuhina**

CREATION OF COGNITIVE METAPHOR WITHIN THE ASPECT OF SPEAKER'S PERCEPTION OR NON-PERCEPTION

The present article analyses mechanisms of cognitive metaphor creation and the role of unconscious cognitive processes in its generation.

Key words: cognitive metaphor, metonymy, cognitive unconscious

* *Ilyuhina Nadezhda Alexeevna* (ilnadezhda@rambler.ru), the Dept. of Russian Language, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.